ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ

ОДИНОЧЕСТВО

ПАРАБОЛА

1935

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ

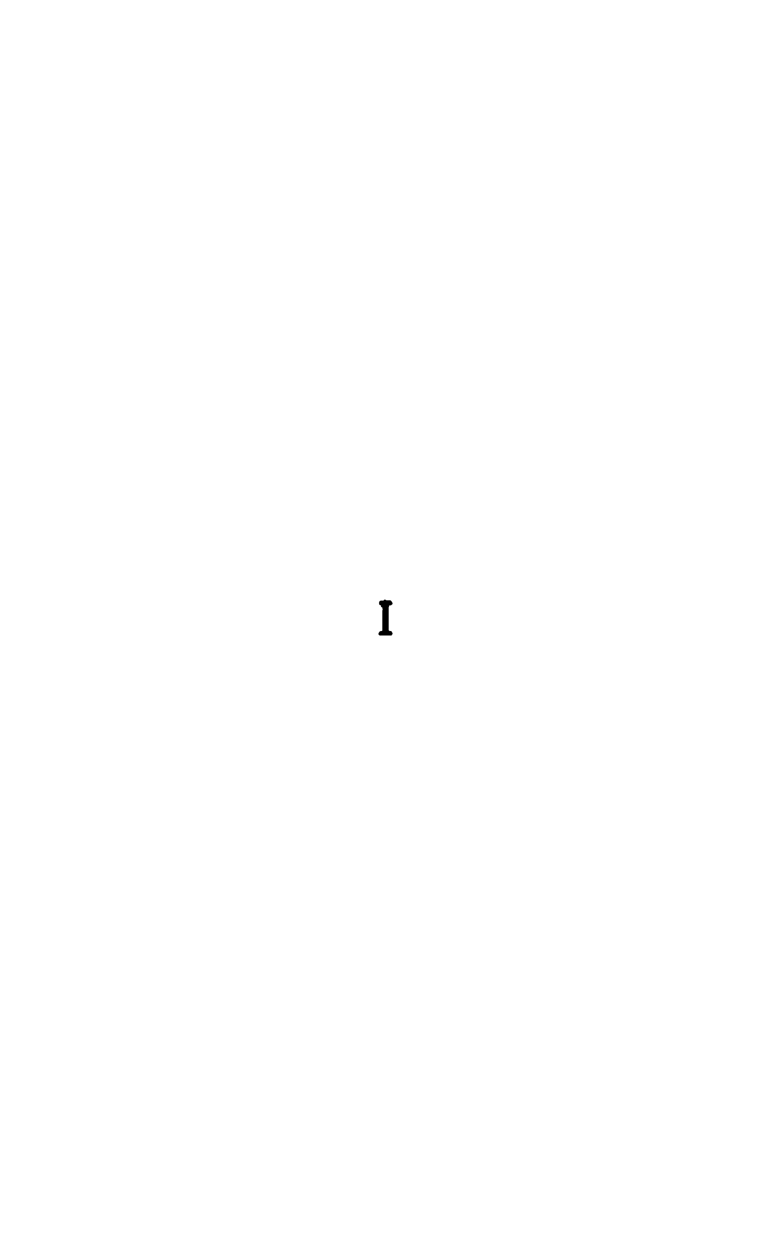
ОДИНОЧЕСТВО

ПАРАБОЛА / 1935

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

МОЕМУ ОТЦУ

I

Одиночество каждой души,
Кто охватитъ тебя и измѣритъ?
День за днемъ пролетая спѣшитъ
Въ чемъ-нибудь навсегда разувѣрить.

И въ нелѣпой дневной суетѣ,
Гдѣ послѣднія гибнутъ игрушки,
Только плачъ измѣнившихъ мечтѣ,
Причитанье убогой старушки.

Дологъ день на холодной землѣ,
Страшенъ день на безумье похожій,
Гдѣ же отдыхъ блаженный въ теплѣ,
Гдѣ же, ночь, твое тихое ложе?

Всѣ часы по разному стучатъ;
Всѣ міры по разному кружатся.
Спитъ въ любви невѣдомый разладъ,
Чтобъ влюбленнымъ не соединяться;

Чтобы были мы отдѣлены
Неприступной, страшною стѣною
И, какъ узники, обречены:
Биться, биться въ стѣнку головою

И къ другому узнику взывать
Задыхаясь, мѣсяцы и годы,
Хоть пора смириться и понять:
Нерушимы каменные своды.

Отъ счастья стиховъ не пишутъ
И славы не ищутъ земной,
И сдавленной грудью не дышутъ
Предчувствіемъ жизни иной.

Не плачутъ весной на разсвѣтѣ,
Страстей покидая плѣнъ,
А спятъ, прикурнувъ какъ дѣти,
У чьихъ-то спокойныхъ колѣнъ.

Глубокій обморокъ души:
Недѣли скуки, мертвой лѣни.
Подернутъ дымкой міръ лежитъ,
Безшумныя проходятъ тѣни.

И засыпаешь на яву,
На вялыя роняя руки
Свою усталую главу.
Ни гнѣва, ни любви, ни муки.

И только иногда, во снѣ,
Мечта о небывалой жизни, —
О дальней, дальней сторонѣ,
О незаслуженной отчизнѣ.

Лишь нѣжность, смѣшанная съ болью,
Съ боязнью — это все пройдетъ,
Какъ тѣнь телѣгъ по чернополью,
Какъ первыхъ поцѣлуевъ медъ —

Намъ отъ рожденія знакома,
До распыленья суждена;
Въ узоръ дорогъ, въ убранство дома
Непоправимо вплетена.

И только тамъ — за далью новой,
Гдѣ злой терновникъ не цвѣтетъ,
Сотрется съ радостнаго слова
Земной непрочности налетъ.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Только дальніе огни мерцаютъ
У подножья посинѣвшихъ горъ,
И, мѣняясь, быстро исчезаетъ
Ихъ несложный, ихъ живой узоръ.

Вотъ лѣса навѣкъ закрыли городъ;
Вырванъ съ корнемъ этой жизни хмѣль.
И стучится въ ухо четкій молотъ,
Заглушая слабую свирѣль.

На колѣняхъ неподвижны пальцы.
Тряскій поѣздъ безпощадно скоръ.
Рядомъ — тѣ-же вѣчные скитальцы,
Тотъ-же неутѣшный разговоръ, —

О путяхъ невѣдомыхъ и душныхъ,
О колесахъ, уносящихъ въ муть,
О колесахъ мѣрныхъ и послушныхъ,
Что тебя раздавятъ гдѣ-нибудь.

Въ эти октябрьскіе, рыжіе дни
Въ поле холодное выйдемъ одни.

Въ поле холодное, словно тогда —
Въ тѣ ненавистные сердцу года.

Снова за кладбищемъ стынетъ закатъ —
Красный, раскинутый по небу платъ;

Тѣ же могилы и тѣ же кресты,
Тотъ же навѣки отвергнутый ты.

Думаешь, можно назадъ повернуть?
Вновь оглянуться на пройденный путь?

Вмѣстѣ считать неживые года?
Нѣтъ! Не хочу! Никогда, никогда!

Давно вступилъ неумолимый разумъ
Въ свои неоспоримыя права.
Молчатъ уста, грудь не волнуютъ сразу
Влюбленнаго смиренныя слова.

Не любопытство — горькое вниманье,
Въ себя ушедшій, и надолго, взглядъ...
О, пестрыя смѣшныя одѣянья!
О, юности неряшливый нарядъ!

Какъ все проходитъ, какъ непостижимо
Мѣняется, уносится, и вотъ
Ужъ вы идете равнодушно мимо,
Ища иной, незыблимый оплотъ.

Спокоенъ шагъ, уже неторопливый,
Легко въ рукѣ покоится рука,
И скорбный часъ вечерняго отлива,
Скользитъ, скользитъ, какъ въ небѣ облака.

Ни за кого ты не положишь душу,
Не выплачешь великолѣпныхъ глазъ,
Не посѣдѣешь. За блаженства часъ
Свое благополучье не разрушишь.

Размѣренно привыкшая дышать,
Ты, словно спѣлая для жатвы нива,
Что въ лѣтній день раскинулась лѣниво
И подъ серпомъ не хочетъ умирать.

Восторгъ и муки, все, что міръ тревожитъ,
Твой духъ не тронутъ, не взволнуютъ плоть.
Скажи, какъ жаръ и жажду побороть,
Чтобъ на тебя мнѣ сдѣлаться похожей?

ПАНЧЕВО.

Пустая улица легла
Геометрической прямою.
По ней течетъ ночная мгла
Неторопливою рѣкою.

Въ домахъ же комнаты тѣсны,
Въ домахъ же пышныя перины
И задохнувшiеся сны
У ногъ усталости звѣриной;

И скука многихъ сотенъ лѣтъ,
Привычная, почти родная,
Какъ тараканы, какъ обѣдъ,
Какъ эта яблонька худая.

Дымки молочные надъ Савой
Во мглѣ предутренней дрожатъ.
Зари земной, зари кровавой,
Всегда похожей на закатъ,
За призрачными островами
Еще глазамъ не отыскать.
Качаетъ мѣрными толчками
Рѣка баржу, какъ люльку мать.
Затягиваютъ небо тучи,
Сжимаетъ горло злая страсть...
Съ какой колеблющейся кручи
Придется снова намъ упасть?

Надъ рѣкою поднялся туманъ.
Холодкомъ потянуло съ рѣки.
Эта сырость прибрежныхъ полянъ
И тускнѣющіе огоньки,

И унылый рѣчной пароходъ,
Никогда не видавшій морей. . .
Не недѣлю, не мѣсяцъ, не годъ,
— О, какъ много несчитанныхъ дней! —

То причаливать, то отплывать,
Замирающій слыша гудокъ,
И по улицамъ пыльнымъ шагать,
Горьковатый вдыхая дымокъ,

И, вернувшись за полночь домой,
Видѣть снова подъ утро, во снѣ,
Улетающій флагъ за кормой
И закатное небо въ огнѣ.

Здѣсь все уныло и убого:
Въ поляхъ забытые стога,
Къ рѣкѣ бѣгущіе полого,
Наскучившіе берега.

Въ саду подсолнухи сухіе,
Въ саду — сожженная трава,
И пѣсни юности глухія,
— Лишь мнѣ понятныя слова.

Уже давно въ тоскѣ безвольной
Часъ разставанья я звала,
А все же оторваться больно
Отъ травъ, что выжжены до тла.

Мнѣ этой жизни слишкомъ мало! —
Лишь разъ родиться, разъ любить,
На мигъ откинуть покрывало:
Взглянуть, вздохнуть и опочить;

И лишь въ чужомъ воспоминаньи
Еще немного тусклыхъ лѣтъ
Застыть невѣрнымъ очертаньемъ —
Невѣрнымъ перечнемъ примѣтъ

И чувствовать: тебя бъ хватило
На много жизней и судебъ,
Такъ сердцу пламенному милы
Земная боль, и страсть, и хлѣбъ.

Высокимъ одиночествомъ поэта
Ты на землѣ меня благословилъ,
Ты дѣтскіе, случайные обѣты
Божественною клятвой закрѣпилъ.

О той любви, что двигаетъ горами,
О той любви, съ которой смерти нѣтъ,
Ты говорилъ со мною вечерами, —
Серебряный струился въ сердце свѣтъ.

Росла душа, свой жребій узнавая
Впервые, сквозь безсонницу и жаръ,
Спѣша принять, ликуя и вздыхая,
Твой роковой, непостижимый даръ,

Съ которымъ міръ и сумраченъ и тѣсенъ,
Пока на мигъ не обрѣтаешь вновь
Чистѣйшій звукъ неповторимыхъ пѣсенъ
И совершенную любовь.

Такъ же падалъ снѣгъ въ Россіи,
Въ дѣтствѣ, въ сумерки, давно,
Хлопьями — въ сады глухіе,
Въ пріоткрытое окно.
Плечъ измученныхъ прохожихъ
Онъ касался такъ легко,
Бѣлое готовилъ ложе
Уходящимъ далеко.
На потертыя шинели
Въ нашъ земной, привычный адъ
Хлопья снѣжныя летѣли...

Хлопья снѣжныя, закатъ
Все осталось тамъ, за нами.
Времени оборванъ бѣгъ...

Надъ нерусскими садами
Кружится случайный снѣгъ.

Играютъ дѣти во дворѣ, —
Въ колодцѣ каменномъ, глубокомъ,
Гдѣ только утромъ на зарѣ
Скользитъ лучъ солнца одиноко;

А въ окнахъ — восковой старикъ,
Лѣнивой смертью здѣсь забытый,
Полубезумный клонитъ ликъ
Въ колодецъ вѣчности раскрытый.

Слѣдитъ, тоскующій съ утра,
Какъ тѣни въ глубинѣ мелькаютъ,
Какъ озорная дѣтвора
Опять въ солдатики играетъ;

Какъ стынетъ брошенный утюгъ;
Какъ стынетъ сердце годъ за годомъ. . .
И вотъ — пророческій испугъ
Уже ползетъ надъ мрачнымъ сводомъ,

Надъ щелью узкой и сырой,
Надъ гибелью неотвратимой!
Но дѣти заняты игрой,
Игрой безсмысленной, любимой.

Громоздятся надъ стѣнами стѣны,
Заводные летятъ поѣзда,
Бредятъ ночью, надъ пепельной Сеной,
Заблудившихся зданій стада.

То безсонница, то вдохновенье...
На разсвѣтѣ — и слабость, и дрожь.
Соблазнительнаго пѣснопѣнья
Въ красоту превращенная ложь

И въ оковахъ послѣдняго плѣна
Сокровенная жажда Суда. —
Скоро-ль къ мертвому сердцу вселенной
Просочится живая вода?

Мальчикъ шелъ лѣниво. Упирался.
За руку вела его сестра.
Ножкой топалъ, плакалъ и ласкался,
Какъ большой вздыхалъ. — «Домой пора!»

Какъ большой вздыхалъ... Неумолимо,
Мимо сада городского прочь,
Уводила улицей любимой,
Уводила въ сумерки и въ ночь.

Такъ и смерть, прервавъ восторгъ и муку,
— Старшая суровая сестра, —
Стиснетъ нашу стынущую руку,
Поведетъ... — Домой, домой пора!

Намъ нужно только оттолкнуться
Отъ берега. Усилье, взмахъ, —
И никогда ужъ не вернуться
Въ земную тьму, и ледъ, и прахъ;

На тѣ безумныя дороги,
Что рвутся прочь изъ городовъ
Къ вершинамъ голубымъ и строгимъ,
Къ сіянью вѣчному снѣговъ, —

И обрываются надъ бездной,
И возвращаются назадъ
Съ закономѣрностью желѣзной
Въ лелѣемый вѣками адъ.

Мы часа ждемъ освобожденья,
Мы задыхаемся въ плѣну,
Въ безцѣльномъ, бѣшеномъ круженьи
Протягиваемъ руки сну,

Отчаливаемъ, отплываемъ
Въ слѣпящую глаза лазурь:
Почіетъ тамъ страна родная,
Недостижимая для бурь...

Надъ спящимъ городомъ гудокъ
Фабричный плачетъ на разсвѣтѣ,
Струится утра холодокъ
И скучно жалуются дѣти.

Отъ вѣтра стекла дребезжатъ,
Какъ шутовскія погремушки,
И снова валишься назадъ, —
Назадъ въ нагрѣтыя подушки.

И закрываешься рукой,
И чувствуешь въ изнеможеньи,
Какой пронизано тоской
Земного утра пробужденье,

Какъ трудно голову поднять,
Какъ трудно справиться съ дреметой,
Чтобъ быть раздавленной опять
Своею нищенской заботой..,

Давнымъ давно, — во снѣ быть можетъ?
Въ саду играли братъ съ сестрой.
Ничто тѣхъ дней не потревожитъ
Подъ прочной времени корой.

Они пошли для насъ, для міра
Во всей ихъ прелести земной.
Какъ нынче холодно и сыро
Не только осенью — весной!

Мы гибнемъ такъ неудержимо,
Такъ мало любимъ, мало ждемъ.
Весь путь, какъ лѣсъ непроходимый,
Какъ смерть таящій водоемъ.

И лишь во снѣ — часы возврата
Въ міръ дѣтства легкій и родной,
Гдѣ только тѣнь сестры и брата
На клумбѣ сада вырѣзной.

Пройдутъ томительные годы,
Покроетъ вѣчности туманъ
И эти жалкія невзгоды,
И тусклыхъ радостей обманъ;

И ты узнаешь, что не стоитъ
Такъ убиваться, такъ горѣть,
Чтобъ домикъ карточный построить
И къ славѣ призрачной летѣть;

Что музыка лишь уцѣлѣла
Надъ жизнью, выжженной до тла,
Чтобъ у послѣдняго предѣла
Тебя не поглотила мгла;

Что въ нищетѣ и униженьи
Побѣднѣй съ каждымъ днемъ звучитъ
То торжествующее пѣнье,
Что бѣдный міръ преобразитъ.

Сквозь сумерки и ночь туннелей,
Надъ пропастями, — по мостамъ,
Вагоны пьяные летѣли,
Шатаясь, кланяясь кустамъ.

Зеленыхъ кипарисовъ свѣчи,
Сады, цвѣтущіе кругомъ,
— Какъ вѣстники желанной встрѣчи, —
О морѣ пѣли голубомъ.

И городъ спалъ средневѣковый,
И у его высокихъ стѣнъ
Склонялись пальмы, словно вдовы,
Незнающія перемѣнъ,

Въ облакѣ розовомъ пыли
Стадо спускалось съ горы,
Сумерки насъ сторожили,
Тлѣли заката костры.

Тайные зовы долины
Все становились слышнѣй.
Надъ колокольней старинной
Стая взвилась голубей.

Легкою дрожью дрожали
Тоненькіе тополя.
Мудрой, вечерней печали
Глянула въ очи земля.

Какъ черный лебедь, кипарисъ
Надъ горизонтомъ выплываетъ.
Вотъ барка огибаетъ мысъ,
Поетъ волна береговая.

Вѣка скалистый островъ спитъ
Въ пучинѣ брошенъ и затерянъ.
Здѣсь ноги мраморъ холодитъ,
Здѣсь даже голосъ бурь размѣренъ.

Въ высокомъ храмѣ — тишина.
Вѣнки неяркіе на плитахъ.
И только неба пелена
Гробницъ касается забытыхъ,

Да въ часъ прибоя иногда
Соленая ихъ лижетъ пѣна.
И снова сонные года
Текутъ надъ ними... Неизмѣнно...

На крышахъ сушится бѣлье,
Летаютъ голуби и вѣтеръ,
И море въ жалкое жилье
Стучится грозно на разсвѣтѣ.

И на разсвѣтѣ я дышу
Соленымъ воздухомъ свободы.
Не жалуюсь и не ропщу
И не кляну земные годы.

И если даже домъ снесетъ
Волна высокая прибоя,
Тотъ чудный міръ и воздухъ тотъ
Всегда останутся со мною.

Какъ много надо потерять,
Какія вытерпѣть невзгоды,
Чтобъ утромъ солнечнымъ дышать
Соленымъ воздухомъ свободы!

II

Тогда чернѣли кипарисы
За монастырскою стѣной
И зной іюльскій, бѣлый зной
Лился изъ раскаленной выси.

И старый лодочникъ стоялъ,
Гребя съ улыбкой безучастной, —
Не первой пары лепетъ страстный
Онъ за спиною улыхалъ.

Въ его морщинистыхъ рукахъ
Весло покорное скользило,
А море пѣло и грозило
Въ давно соженныхъ берегахъ.

Невыносимый полдня жаръ
Мѣшался съ вкусомъ поцѣлуя,
Рѣсницы жадныя, ликуя,
Скрывали тлѣющій пожаръ.

И лишь въ послѣдней глубинѣ
Пѣлъ тайный голосъ о разлукѣ, —
О смерти, гибели и мукѣ,
О долгожданной тишинѣ.

Ни плечъ, ни рукъ, ни губъ моихъ не тронешь.
Пройду, какъ смерть, безмолвна и строга.
Лишь имя повторишь, затверженное въ стонѣ,
Когда-то царь, а вотъ теперь — слуга.

Я такъ хочу! Я нынѣ тайну знаю!
Ее хранятъ упрямыя уста.
Пусть безразсудная, жестокая и злая
Я древомъ буду твоего креста!

Онъ говорилъ о смерти ранней.
Въ углахъ сгущалась синева.
Въ какой странѣ, въ какомъ романѣ
Я эти слышала слова?

Чью роль забытую читала?
Чей тайный жребій изжила?
Въ тотъ вечеръ небо было ало
И мысль отчетлива была.

Глаза спокойные слѣдили. . .
Я захотѣла, я пришла
Чужой любви измѣрить силу,
Глядѣть въ чужія зеркала.

Онъ дологъ былъ послѣдній вечеръ.
Не такъ ли дологъ день Суда?
Предсмертныя, простыя рѣчи
Не забываютъ никогда.

Я помню все, что можно вспоминать,
Что сохраняется отъ встрѣчи,
Что, какъ тягчайшая вина,
Мнѣ душу медленно увѣчитъ.

То каменный, застывшій ликъ,
Враждебный голосъ, смѣхъ жестокій,
То вдругъ срывающійся крикъ
И поцѣлуи, и упреки,

И ревности безсвязный бредъ,
И страсть, которой нѣтъ отвѣта;
Которая оставитъ слѣдъ
Лишь въ тайныхъ знаніяхъ поэта, —

А женщину не озаритъ
Мечтой возвышенной и новой,
Не уведетъ, не воскреситъ
Для жизни чистой и суровой.

То облака, плывущія надъ садомъ,
Въ дождливый день глазами провожать,
То слушать голосъ, зазвучавшій рядомъ,
И ни мольбы, ни словъ не понимать:

Какъ будто тотъ глухой и страстный шопотъ —
На незнакомомъ, чуждомъ языкѣ,
Услышанномъ, какъ дальней бури ропотъ,
Иль крики утопающихъ въ рѣкѣ.

И не припомнить смутнаго значенья
Тѣхъ въ пустоту срывающихся словъ;
И только слушать ихъ въ оцѣпенѣньи,
И вѣчно плыть за стаей облаковъ.

Совсѣмъ иные, кроткіе мотивы
Въ дыханьѣ дней замедленныхъ звучатъ.
Проходитъ вечеръ безъ тоски ревнивой,
И, какъ сестру, цѣлуетъ ночь закатъ.

Молчатъ часы. Котенокъ спитъ въ корзинѣ;
Въ раскрытой книгѣ прелесть новыхъ встрѣчъ.
Но стекла оконъ такъ нѣжны и сини,
Что жаль огонь насмѣшливый зажечь,

Иль молвить слово... Бѣдный другъ, немного
Такихъ недѣль у каждаго изъ насъ.
Года, года о нихъ мы молимъ Бога
И вспоминаемъ ихъ въ послѣдній часъ.

О, вѣчныхъ возвращеній кругъ!
Случайная мила мнѣ встрѣча.
Мой вѣрный недругъ, нѣжный другъ,
Тебя ли нынче не замѣчу?

Надъ міромъ осень настаетъ.
Ее мы нѣкогда любили.
Какъ сердце помнитъ и зоветъ
Все къ той же брошенной могилѣ!

И та же музыка въ ушахъ,
Подобна грозному прибою,
Все претворяющему въ прахъ,
Все уносящему съ собою

Въ давно забытую страну...
Ее со мной ты видѣлъ, видѣлъ!
Пойми, пребудетъ тотъ въ плѣну,
Кто такъ любилъ и ненавидѣлъ,

О, черный пологъ неутѣшныхъ дней,
О, эти ночи, ночи послѣ ссоры!
Онѣ слезы прощальной солонѣй
И горше запоздалаго укора.

Какъ трудно этимъ воздухомъ дышать,
Влачить вездѣ немилыя одежды
И въ памяти безстрастной отмѣчать
Однѣ мертворожденныя надежды.

Любимаго измучить, истомить,
Минутами себя не узнавая,
И милости, какъ нищенка, молить,
По мирнымъ днямъ смертельно изнывая.

Какъ страненъ вкусъ твоихъ морозныхъ губъ,
Какъ голову ты наклоняешь низко!
Глаза твои. . . Ихъ взглядъ мнѣ сталъ не любъ,
Глаза твои я вижу слишкомъ близко.

Зеленые, какъ жесткая трава,
Они когда то синими казались.
Въ ихъ глубинѣ тонули острова,
Влюбленные отъ міра укрывались.

И такъ хотѣлось душу уронить
Въ ихъ синеву, для вѣчнаго веселья.
Но день пришелъ — разрушить и сломить,
Но день прошелъ послѣдняго похмелья.

Качаются громадные круги
Вино темнѣетъ, точно лужа крови,
А за окномъ, гдѣ не видать ни зги,
Я слышу плачь, — не дѣвичій, а вдовій.

Ни мудрости, ни твердой вѣры
Мы въ нашемъ сердцѣ не нашли:
Кто мѣряетъ земною мѣрой,
Не оторвется отъ земли.

И ждетъ все тотъ же путь убогій
Не возлюбившихъ до конца.
Къ престолу огненному Бога
Взойдутъ лишь сильныя сердца.

И на высотахъ запредѣльныхъ,
Гдѣ золотой воздвигнутъ скитъ,
Покровомъ легкимъ колыбельнымъ
Ихъ вѣчный полдень осѣнитъ.

III

Коснись земли сухой, нагрѣтой,
Пронизанной дыханьемъ свѣта
Рукой слабѣющей твоей.

Въ ней все, что будетъ, все, что было.
Въ ней спятъ невѣдомыя силы,
Сплетенья нѣжныя корней.

Она покоится въ сіяньи.
Склонись же, пей ея дыханье —
Источникъ чистый и живой.

И слушай, какъ звенятъ цикады
Въ травѣ запущеннаго сада
Подъ жгучей неба синевой.

Какъ я люблю мою свободу,
Въ обѣдъ — веселое вино
И зовъ томящій парохода,
И въ розахъ вьющихся окно.

Любви нетрудной и негорькой
Бѣгутъ мгновенья. А душа,
Къ себѣ присматриваясь зорко,
Живетъ не плача, не спѣша,

Весь міръ смѣющійся вмѣщая,
Всѣ краски пламеннаго дня,
Слѣдя, какъ море поглощаетъ
Лучи небеснаго огня,

Подумать только, — лишь недѣлю
Тому назадъ, въ иномъ краю,
Кружились чайки и летѣли
Вослѣдъ большому кораблю,
Что отбылъ въ Африку. И пары
Влюбленныя, какъ мы съ тобой,
Мечтали о пескахъ Сахары,
Встрѣчая бѣшеный прибой,
И осторожно цѣловались.
И, какъ сообщники, тогда
Мы снисходительно смѣялись
И отворачивались. . . Да,
То были дни такой свободы
И странной легкости такой,
Какъ будто кто-то злые годы
Вдругъ стеръ безумною рукой
И намъ сказалъ: — Ихъ нѣтъ въ поминѣ
И не было! Лишь корабли
Отъ вѣка плыли, какъ и нынѣ,
Къ землѣ желанной отъ земли.

Цвѣлъ южный садъ подъ южными звѣздами,
Гдѣ каждый камень сердцу былъ сродни.
Какъ пастухи съ веселыми стадами,
Безоблачные проходили дни.

Размѣренное колыханье сосенъ,
Свободной чайки царственный полетъ.
Какъ незамѣтно приближалась осень,
Какъ сладокъ былъ земного счастья медъ!

Ты помнишь-ли, подъ солнцемъ благосклоннымъ,
Полуденные, пламенные сны?
Земля дышала воздухомъ влюбленнымъ
И были трудъ и страсть озарены

Сіяніемъ высокимъ, богоданнымъ,
Немеркнущимъ ни въ злобѣ, ни въ ночи,
Пока въ насъ пѣли молодо и пьяно
Подземные, горячіе ключи.

Одна любовь смѣняется другою,
Такою же случайной и земной, —
Пребуду-ли послѣдней, роковою,
Иль суждено мнѣ только быть второй

Въ твоей судьбѣ? И вслѣдъ за грознымъ шкваломъ,
Насъ выбросившимъ къ этимъ берегамъ,
Все будетъ такъ, какъ и у всѣхъ бывало?
И обновленья не дождаться намъ,

И подвига не совершить? Ужели
Тѣ силы, что живили и росли,
Измѣнятъ намъ у долгожданной цѣли,
У этой солнечной земли?

Незримое присутствіе твое
Почти призывъ, почти прикосновенье.
Ты мнѣ даришь двойное бытіе,
Въ привычныхъ снахъ внезапное волненье.

То душный вихрь настигнетъ, налетитъ,
И страстныя встаютъ воспоминанья,
То вновь вокругъ все та же жизнь шумитъ,
Гдѣ нѣтъ тебѣ ни мѣста, ни названья,

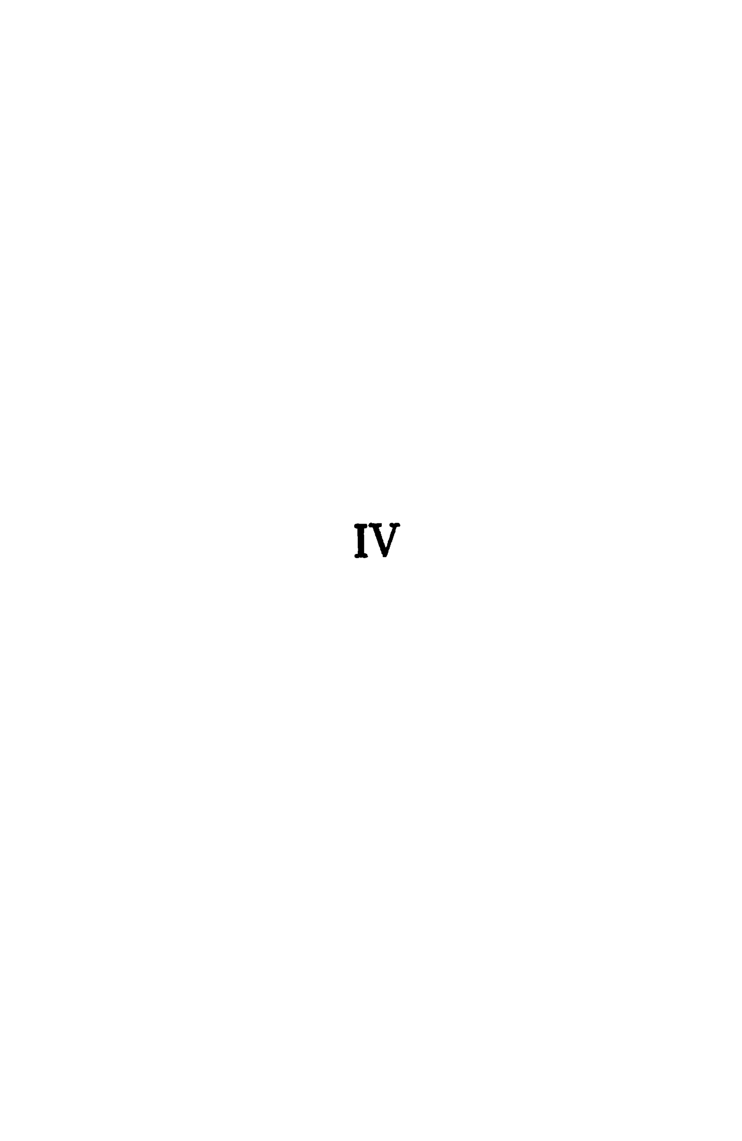
Гдѣ я одна печальный грузъ влачу
Обидъ и думъ донынѣ не изжитыхъ,
Въ себѣ замкнувшись плачу и молчу,
И медлю у дверей раскрытыхъ.

Надъ сердцемъ, надъ комочкомъ снѣга,
Опять склоняется весна,
Блаженной слабостью и нѣгой,
Какъ облакомъ, окружена.

И запахъ вянущихъ фіалокъ
Летитъ въ просторы площадей,
Кружатся стаи звонкихъ галокъ,
Поютъ кресты монастырей.

А тамъ, — на осликѣ мохнатомъ,
Лишь дѣтямъ зримый и цвѣтамъ, —
Вступаетъ Онъ. . . И ткань заката,
Какъ риза падаетъ къ ногамъ.

И мальчикъ тянется погладить
Сѣдого ослика слегка,
И молятся, столпившись сзади,
Сіяющія облака.

IV

Когда свѣжа ночная мгла,
Когда предметы тускло-бѣлы
И свѣта луннаго игла
Земли пронизываетъ тѣло,

И море черное лежитъ
Все въ фосфорическомъ сіяньи,
Мнѣ кто то на ухо твердитъ:
— «Спѣши на свѣтлое свиданье

И жди, среди пустынныхъ скалъ,
Подъ неба матовымъ опаломъ,
Чтобъ свѣтъ Отцовскій возсіялъ
Надъ темнымъ Матери началомъ».

Я тебя никогда не встрѣчала,
Я не знаю, — ты былъ или есть;
Знаю только: сдвигаешь ты скалы,
Мысли тайныя можешь прочесть.

За меня, за мое воскресенье
Ты положишь и душу, и плоть.
Знаю, любишь меня, какъ мученье,
Что святымъ посылаетъ Господь.

Мой послѣдній оплотъ и ограда,
Рвусь къ тебѣ, врачевателю ранъ.
Бѣсноватую Иродіаду
Только ты исцѣлишь, Іоаннъ.

Валерію Брюсову.

Тисненый черный переплетъ,
Какъ снѣгъ, прохладныя страницы;
Откроешь, — медленно плыветъ
Стиховъ застывшихъ вереница.

О, холодъ сладострастныхъ строкъ,
Незабываемый вовѣки!
О, страшный прошлаго урокъ!
О, мертвыя моря и рѣки!

Закрою пальцами лицо,
А книги закопаю въ землю.
Уйди, уйди! Твое кольцо,
Твое наслѣдье не пріемлю.

И слова радостнаго «братъ»
Тебѣ не вымолвлю при встрѣчѣ.
Мнѣ руки жжетъ бѣсовскій кладъ,
Предъ гробомъ вспыхнувшія свѣчи.

Вернись въ великолѣпный склепъ,
Забытый Богомъ и святыми.
Пусть садъ мой малъ, пусть взглядъ мой слѣпъ,
Но я живу, но я съ живыми.

Нѣтъ ничего страшнѣй мечты.
Мечтатели владѣютъ міромъ.
Мечтатели и я, и ты
Опьянены виномъ эфира.

Все, все возможно! Нѣтъ преградъ
Для просыпающейся воли
И тѣ, кто вѣрятъ и хотятъ,
Земную перемѣнять долю.

Въ послѣдній часъ, изъ этой тьмы
Не наше ли взовьется пламя?
Но пусть владѣемъ міромъ мы, —
Мечты, мечты владѣютъ нами,

Медлительный припоминаю сонъ,
Отодвигая хладные покровы,
И надъ собой невѣдомый законъ
Рожденья пламеннаго слова
Сквозь долгое земное забытье.
И вотъ — просторъ возникнувшаго міра,
Гдѣ все совсѣмъ чужое, не твое,
Гдѣ для тебя закрыты двери пира,
Гдѣ ничего отнынѣ не поймешь.
Лишь съ плачем вспомнишь: что-то въ сердцѣ билось
И грудь прожгло, какъ раскаленный ножъ,
И отлетѣло, отдѣлилось,
Оставивъ въ тѣлѣ: слабость, жажду, дрожь...

О, ледяное утро пробужденья,
Когда ломаешь руки и зовешь
Какъ молнія сверкнувшее видѣнье!

Іюльскихъ дней знакомо всѣмъ молчанье
И въ полдень спятъ лѣнивыя моря.
Пески горятъ оранжевымъ сіяньемъ, —
Въ твоихъ глазахъ отсвѣты янтаря.

Ты, какъ песокъ, стихи пересыпаешь,
Надъ раскаленнымъ камнемъ ворожишь.
И длится годы, какъ любовь слѣпая,
Надъ моремъ опрокинутая тишь.

И руки жжетъ любовное дыханье
Навѣки успокоенныхъ пустынь, —
Какъ будто нынѣ кончены скитанья
И скошена со всѣхъ степей полынь.

Мнѣ просто хорошо. Мнѣ ничего не надо.
Я здѣсь лежу одна средь листьевъ и цвѣтовъ.
Жизнь медленно ползетъ въ травѣ высокой сада
Межъ пышныхъ лопуховъ и выгнутыхъ стволовъ.

Тамъ вдалекѣ, какъ перья странной птицы,
Качаютъ пальмы темные листы;
И прячутъ горы сумрачныя лица
Въ ползучіе и жидкіе кусты.

Надъ городомъ, надъ моремъ, надъ горами
Ни облака, ни тучи грозовой;
Лишь лѣтній полдень съ острыми глазами
Проносится надъ самой головой

Да жаръ спускается, да отъ земли нагрѣтой
Исходитъ ровный, крѣпкій ароматъ,
Да на лицо, черезъ деревьевъ сѣти
Загаръ кладетъ свой золотистый платъ.

Въ невыразимомъ удивленьи
— Не сплю ли, не сошла-ль съ ума —
На жизни мирное теченье,
На эти бѣлые дома,

На радость, вложенную нынѣ
Въ мою сожженную ладонь
Гляжу... Въ холодную пустыню
Такъ съ неба падаетъ огонь.

И въ мигъ одинъ душой испито
Все, что ей было суждено.
О, пологъ неба пріоткрытый!
О, слишкомъ крѣпкое вино!

Ты слишкомъ замкнутъ, слишкомъ сухъ.
Нѣтъ, я тебя не понимаю!
Но принимаю, какъ недугъ,
Какъ наказанье, принимаю!

Кто ты? Лишь имя мнѣ открой!
Я знать хочу твой обликъ тайный.
Какъ трудно жить, — почти слѣпой,
Подъ игомъ страсти не случайной.

Тонокъ мѣсяца юнаго серпъ
Надъ весеннимъ, вздыхающимъ садомъ,
Гнутся прутики нѣжные вербъ
Въ слабыхъ пальцахъ, подъ пристальнымъ
взглядомъ.

И счастливое слишкомъ лицо
Скрыть сегодня совсѣмъ не умѣю.
Привело насъ дорожекъ кольцо
Въ синій сумракъ огромной аллеи.

Первый вечеръ рожденной весны
На землѣ неизвѣданно новой.
Видишь, видишь, сбываются сны,
Будь же сердце, на жертву готово.

Словно столпъ голубого огня
Міръ убогій любовь осѣнила.
Все, что было до этого дня,
Я не помню, не знаю, забыла.

О прошломъ мнѣ не говори:
Пусть мертвые хоронятъ мертвыхъ!
Сіяетъ вѣчный свѣтъ зари
И руки ищутъ рукъ простертыхъ.

И трудъ, и отдыхъ все милѣй,
Покинута глухая клѣтка,
И голубь, посланный землѣ,
Принесъ масличовую вѣтку,

И времени надъ нами нѣтъ —
Лишь бѣлый облакъ воскресенья,
И мы летимъ сквозь утра свѣтъ
Въ міръ музыки и пѣснопѣнья.

Здѣсь лѣто не радуетъ зноемъ,
Не видно фіалковыхъ горъ
И море не плещетъ родное
Въ старинный романскій соборъ, —

Лишь стройныя сосны вздыхаютъ
И въ небѣ высокомъ плывутъ,
И тонкія иглы роняютъ,
И молніи радостной ждутъ,

Чтобъ въ часъ торжества и разлуки,
Прервавшей привычную сонь,
Свести, черезъ смертныя муки,
На землю небесный огонь.

Мнѣ мило комнаты молчанье,
Вещей таинственный покой,
Раздумье книгъ, лампадъ дыханье,
Иконы вѣнчикъ золотой;

Колючій снѣгъ за рамой зимней,
Дней слишкомъ краткихъ бѣлизна,
Во мглѣ серебряной и дымной
Пустынныхъ улицъ тишина

И вольное уединенье,
И эти думы о тебѣ,
И въ часъ случайнаго сомнѣнья
Покорность свѣтлая судьбѣ.

Сладко жить, какъ послѣдней изъ нищихъ,
Беззаботнѣй евангельскихъ птицъ;
Знать, что всюду насъ радость отыщетъ,
Что одна лишь она безъ границъ;

Что въ награду за долгую жажду
— Этой жажды во вѣкъ не избыть —
Намъ дано — на мгновенье, однажды —
Раздѣленное соединить.

Какъ напряженно нынче я живу!
Всѣ мелочи, оттѣнки замѣчаю —
Ночныхъ небесъ густую синеву
И золото въ налитой чашкѣ чаю.

На Божій міръ глаза устремлены
И больше не сощурены отъ боли.
Часы труда и свѣтлой тишины
И эта жизнь блаженная на волѣ.

Безрадостные отлетѣли дни,
Душа сняла съ улыбкой трауръ вдовій.
Не каждому ль она теперь сродни,
Какъ нѣжный другъ, какъ близкая по крови?

Язвительныхъ не трогаю обидъ —
Лишь солнечныя утра вспоминаю
И бѣлымъ свиткомъ предо мной лежитъ
Моя любовь и жизнь моя земная.

Мы шли на Западъ. Былъ высокъ
Скалистый берегъ, — край убогій,
И твой сѣдѣющій високъ
И этотъ профиль, — слишкомъ строгій, —

Съ медали древней, былъ склоненъ
Надъ фіолетовой пучиной,
Надъ тайной скорбью всѣхъ временъ, —
Надъ скорбью вѣщей и единой.

Ты помнишь, помнишь-ли? Тогда
Мы странствія лишь начинали,
И насъ уже вела звѣзда,
Но мы ее не замѣчали.

Душа была утомлена —
Ее тоски язвило жало.
Еще не вѣдала она,
Что смерти не существовало.

Въ лѣсахъ увидишь сны другіе,
Войди подъ ихъ высокій кровъ,
Гдѣ праздничныя литургіи
День каждый отслужить готовъ.

На нѣжные кусты черники,
На мохъ и влажный, и густой,
Ложатся солнечные блики.
Міръ дремлетъ въ сѣткѣ золотой.

И ты дремли, и ты не слушай
Тревожныхъ сердца голосовъ!
Не вспоминай. . . Пусть сходитъ въ душу
Покой торжественный лѣсовъ.

Пойми, — прекраснѣй нѣтъ гробницы,
Чтобъ прошлое похоронить,
Пойми, лишь облака и птицы
Его здѣсь будутъ сторожить.

Твое высокое окно
Въ ночное небо уводило.
Въ огромной комнатѣ давно
Сіянье звѣздное почило.

Кружащіяся облака
На старой кровлѣ отдыхали.
Неслась небесная рѣка
И въ стекла волны ударяли.

Съ далекой, призрачной земли
Все рѣже доходили вѣсти
И больше въ сердцѣ не цвѣли
Мечты о страсти и о мести.

Какъ будто все, что только жгло
И, какъ безсонница, томило,
Рѣки теченье унесло
И въ пѣсню вѣчность превратила.

Любовь лишь мостъ. . . Тебѣ-ль его разрушить?
Пойми, пойми, иная тишина,
Иной огонь мнѣ согрѣваетъ душу,
Отъ жалкаго проснувшуюся сна.

Надъ гибелью, надъ местью, надъ разлукой,
Все тотъ же свѣтъ таинственный горитъ.
Слетаютъ въ міръ божественные звуки
И розы вьются у могильныхъ плитъ.

И за воздушной, легкою оградой
Моя любовь попрежнему цвѣтетъ.
Она лишь мостъ. . . Она лишь мостъ изъ ада,
Какъ музыка, какъ пѣсня, какъ полетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

II

III

IV

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON